

Глава четырнадцатая: Знатная барышня ночью в переулке творит справедливость, Нищий Чэнь приходит отплатить за добро

—

В прошлый раз мы рассказывали: боящийся высоты управляющий Линь из гордыни залез на крышу резать колбасу и неожиданно сорвался с карниза; Тан Юйшу хотел спасти, но не сумел поймать. В мгновение ока проходивший мимо юноша в черном подхватил падающего Линь Лана.

Сквозь черную вуаль на шляпе лицо юноши показалось знакомым.

На вопрос он запинаясь представился:

— Этот... этот малый из Яньтана, фамилия Чэнь, имя Ни.

Услышав имя, Линь Лан наконец сопоставил его с образом грязного маленького нищего из памяти.

Итак, Линь Лан привел Чэнь Ни обратно в заведение:

— Зачем пришел?

На лице юноши не было никаких эмоций, лишь в глазах сверкали искорки, когда он смотрел на Линь Лана:

— Вернулся искать вас.

— Зачем искать? — в душе Линь Лану этот парень не нравился, ведь тот когда-то украл его кошелек. Но только что тот спас его, и приходилось через силу предложить ему чашку чая.

Чэнь Ни снял шляпу и поклонился:

— В тот день я украл... то есть, взял у вас один лян серебра, чтобы похоронить мать, теперь пришел вернуть.

Услышав, как Чэнь Ни неестественно поправился, рассказывая о прошлом, Линь Лан усмехнулся:

— Только что ты спас меня, теперь мы в расчете... можешь идти.

Получив отказ, взгляд Чэнь Ни померк. Было видно, что на самом деле он не хочет уходить, но юноша не стал спорить, лишь ответил:

— Хорошо... — затем сказал: — Тогда... где другой господин, я пойду попрощаюсь.

Требование было разумным, и Линь Лану пришлось согласиться, собираясь отвести его на кухню повидаться с Тан Юйшу.

Только собирался пойти, как во двор пришли гости. Линь Лан подошел поприветствовать их, а Чэнь Ни молча стоял в стороне, безмолвно наблюдая. Когда Линь Лан усадил гостей, он послушно последовал за ним на кухню.

Но Тан Юйшу там не оказалось.

Теперь Линь Лан забеспокоился:

— Гости уже пришли, куда же этот парень подевался? — бормоча, он снова повел Чэнь Ни в западный флигель, прямо открыл дверь и увидел, что Тан Юйшу сидит на полу, прислонившись к кровати, скрипя зубами, снимая носок с правой ноги.

Линь Лан подошел:

— Уже гости пришли, а ты здесь сидишь, ноги ковыряешь?

Тан Юйшу поднял глаза на вошедшего, оперся о край кровати и медленно встал.

Только тогда Линь Лан заметил, что лодыжка Тан Юйшу сильно опухла, вся сине-багровая, от одного вида захватывало дух:

— ...Это... как так получилось?

— ... — Тан Юйшу не хотел говорить.

— Как ты мог быть таким неосторожным? — зачинщик еще не разобрался в причинно-следственной связи, лишь нахмурился, торопливо жалуясь.

— ... — Тан Юйшу все еще не отвечал.

Говоря «Дай посмотреть...», он приблизился, но стоявший позади Чэнь Ни вдруг шагнул вперед, опередив Линь Лана, подбежал к Тан Юйшу:

— Садитесь сначала — я немного разбираюсь в медицине.

Немного ощупав, Чэнь Ни поднял голову и доложил Линь Ланю:

— Это растяжение...

— Seriously?

— Несерьезно... — эти три слова заставили Линь Лана вздохнуть с облегчением, но затем Чэнь Ни опроверг свой предыдущий диагноз: — Подождите — немного серьезно.

— Что такое? — Линь Лан почувствовал, что его брови сейчас сведет судорогой.

Чэнь Ни, с силой надавив на несколько точек, недоверчиво спросил Тан Юйшу:

— Здесь... была старая травма?

— Да, — кивнул Тан Юйшу.

— Так и думал, обычное растяжение не должно быть таким серьезным... Какая здесь была травма?

— Двухдюймовый наконечник стрелы воткнулся, вырезали ножом.

— ...Наконечник стрелы? — глаза Чэнь Ни широко раскрылись. — Вы воевали?

— Да, — кивнул Тан Юйшу. — В Чэнду.

— О — я знаю! — мальчишка явно отвлекся от темы. — Вы такой потрясающий!.. А вы ездили на лошади?

— Ездил.

— А можете меня научить?

— Конечно.

Линь Лан наконец не выдержал и хлопнул по столу:

— Перестань нести чушь, что же делать с травмой?

— Ах, точно, — Чэнь Ни беспомощно покачал головой. — Я лишь поверхностно знаком с медициной, нужно пригласить настоящего врача... — доложив Линь Ланю, он снова повернулся к Тан Юйшу и предупредил: — Вы сначала не двигайте костями и суставами, если не вылечить как следует, ваша нога будет покалечена, и вы больше никогда не сможете ездить верхом...

— Ничего страшного, — Тан Юйшу покачал головой. — Что такого в такой маленькой травме?

— Маленькая травма... а вас ранили мечом? — мальчик явно снова отвлекся, лицо его сияло от возбуждения.

А Тан Юйшу, похоже, тоже был не слишком умен, лишь самодовольно поднял лицо:

— Конечно, ранили! Меня даже булавой по голове били!

Линь Лан наконец не выдержал и снова хлопнул по столу:

— По-моему, тебе голову дверью прищемили!

После этого крика в комнате воцарилась тишина, непонятная гнетущая атмосфера, исходившая от Линь Лана, заставила Чэнь Ни затаить дыхание. Тот повернулся и вышел за дверь, бросив:

— Присматривай за ним, я пойду за врачом!

И захлопнул дверь.

Со двора донеслась неторопливая жалоба гостя:

— Ой... сколько уже жду, как же все еще не...

В ответ последовали абсурдные слова Линь Лана:

— Не нравится — не ешь!

Гость прошептал:

— Простите...

Оставив Тан Юйшу и Чэнь Ни смотреть друг на друга.

Посидев так некоторое время, Тан Юйшу спросил:

— Эй, младший брат, откуда ты?

Ночью в Цзиньлине царило оживление, горели фонари.

Посетив с отцом ночной банкет, устав от обмена тостами, она сослалась на недомогание и покинула стол раньше, чтобы вернуться в усадьбу.

Хуа Лянсюй, известная в Циньхуае своим «искусным умением вести светские беседы», от природы обладала талантом организовывать банкеты и светские мероприятия; однако она никогда по-настоящему не наслаждалась такими событиями.

Циньхуай — район в Нанкине, известный своими развлечениями.

Когда она уходила, отец все еще был занят беседой и смехом с людьми, и даже не сказал ей «будь осторожнее в пути».

Выходя из богато украшенного ресторана, Хуа Лянсюй перестала улыбаться и потеряла уставшие щеки, только сделала несколько шагов до перекрестка, как услышала шум.

Сначала Хуа Лянсюй не придавала этому значения, подумав, что это обычные дети играют. Но остановившись и прислушавшись, она поняла, что смех и крики были слишком буйными, а среди них слышались слабые всхлипы и мольбы.

Хуа Лянсюй изменила направление и свернула в тот переулок.

— Разве не от уличной девки* уродился, чтобы на лицо румяна наводить?

[*□□ (liúyīng) — досл. «перелетные иволги», эвфемизм для проституток.]

— А где твоя мать? Позови ее спасти тебя!

— Сейчас продадим тебя!

Каждое слово было отвратительным.

При свете фонарей Хуа Лянсюй увидела группу семнадцати-восемнадцатилетних юношей, окруживших сидящего на земле подростка, тому было лет тринадцать-четырнадцать, и его голые ноги дрожали в холодную зимнюю ночь.

— Что вы делаете? — Хуа Лянсюй подошла.

Те, испугавшись пришедшей, увидели, что одета она богато, поняли, что из знатной семьи, ссориться нельзя; потому быстро переглянулись и разбежались в разные стороны.

Остался лишь сидящий в грязи, робко смотрящий на пришедшую подросток, лицо его было размазано ярко-красными румянами, размытыми слезами.

Хуа Лянсюй еще не успела заговорить, как подросток первым узнал ее:

— ...Мол... молодая госпожа?

— Пф... — от такого обращения Хуа Лянсюй покраснела, снимая с себя алую тёплую накидку и накидывая на подростка, притворно рассердилась: — Что за чушь? Кто я тебе молодая

госпожа?

Подросток, дрожа под теплой накидкой, протянул руку, при свете откинул пряди волос со лба Хуа Лянсюй и долго смотрел:

— Как же нет! Разве не моя молодая госпожа?

Хуа Лянсюй подумала, что, наверное, этот ребенок дурачок, и не стала спорить.

Только услышала, как подросток сказал:

— Я же — разве не узнаете? Я Шунь-эр! Мой молодой господин — Линь Лан!

Тогда Хуа Лянсюй вспомнила:

— Это ты?

Итак, после ухода Линь Лана Шунь-эр словно потерял душу, целыми днями не ел и не пил.

Сегодня управляющий велел ему выйти купить кое-что, вечером в полутьме он ошибся, схватил мужчину в красном парчовом халате и назвал «молодым господином», но тот и его спутники не отпустили его, стали унижать и насмеяться. Они смеялись над Шуньэром из-за румян на лице и приняли его за проститутку, сбежавшую из борделя, и грозились продать за пределы Цзиньлина.

— Впредь держись подальше от таких людей... твоего молодого господина нет в Цзиньлине, больше не ошибайся, — наставляла Хуа Лянсюй. — И еще — впредь не называй меня своей молодой госпожой*, я не замужем за твоим молодым господином!

[*Он называет её шаонайнай (少奶奶, shàonǎinai) - это стандартное обращение слуг, охранников и подчиненных к жене старшего сына (или просто сына) главы семьи.]

— Вы знаете, где мой молодой господин? — Шуньэр уловил намек в словах Хуа Лянсюй.

Хуа Лянсюй на мгновение запнулась, затем, помолчав, уклончиво сказала:

— Откуда же мне знать?

Но Шунь-эр таинственно помахал рукой:

— Скажу вам честно: я знаю — а вы пойдете искать его?

Хуа Лянсюй стало любопытно, что же у этого парня на уме, и она спросила:

— Почему не скажешь вашему господину?

— Скажу господину — господин поймает его и вернет... — Шунь-эр покачал головой. — Так нельзя! Молодой господин сбежал из усадьбы Линь, чтобы господин не заставлял его становиться чиновником!

— ...Ха? — Хуа Лянсюй усмехнулась. — А он весьма многообещающий.

Услышав похвалу своему молодому господину, Шунь-эр тоже невероятно возгордился:

— Конечно!

Когда Линь Лан вернулся с врачом... или, скорее, таща врача, он чувствовал, что его горло словно разорвано, было больно и тошно, даже дыхание стало хриплым, как храп. Опершись о дверной косяк, он перевел дух, затем снова потащил врача в западный флигель, по пути чуть не столкнувшись с ребенком гостя, пришедшего поужинать, который бегал по двору.

— Вы вернулись, — Чэнь Ни нес в обеих руках семь-восемь тарелок, шаг его был уверенным.

— Э?.. — только тогда Линь Лан заметил странность — хотя его не было, а у Тан Юйшу растянута нога, но все десять столов во дворе были заполнены гостями, под карнизом еще толпились ожидающие очереди.

Но Линь Лану было не до размышлений об этой странности:

— А где Тан Юйшу?

— ...На кухне.

Линь Лан широко раскрыл глаза:

— Разве не сказали, что нельзя двигаться?

Чэнь Ни, боясь получить выговор, тихо объяснил:

— ...Он настоял на том, чтобы пойти, поэтому я помог ему добраться... С ним все будет в порядке.

Линь Лан сердито покосился на Чэнь Ни и побежал на кухню.

Тан Юйшу мыл посуду, увидев, что вошел Линь Лан, поднял глаза, взглянул на него и быстро отвел взгляд.

Врач все еще тяжело дышал, похлопывая себя по груди, чтобы отдышаться, и осматривал раны Тан Юйшу. Через некоторое время выписал два рецепта:

— Внутрь... и наружно... через три дня поправится... но... но помните...

Он не договорил, когда из двора донеслось нетерпеливое требование гостя:

— Почему до сих пор не принесли заказанное мной вино?..

В ответ последовали абсурдные слова Линь Лана:

— Сам возьми!

Гость прошептал:

— Хорошо...

Врач продолжил:

— Помните, ни в коем случае нельзя снова растягивать связки... Просто отдыхайте в постели в течение следующих нескольких дней...

Вставая и уходя, он все еще не мог отдышаться и, указывая на Линь Лана, сказал:

— За этот... этот вызов... я возьму с вас... двойную плату!

Устроив Тан Юйшу в западном флигеле, Линь Лан и Чэнь Ни трудились до половины часа Цзы (23:00 - 01:00), пока наконец не закончили работу.

Неся приготовленное лекарство в западный флигель, Линь Лан увидел, что Тан Юйшу лежит на кровати неподвижно.

— Пей лекарство, — Линь Лан поставил лекарство на тумбочку у кровати, зажег лампу. — Я думал, ты уже спишь.

— ... — Тан Юйшу взял лекарство и пил его глоток за глотком, но по-прежнему не произнес ни слова.

Линь Лан усмехнулся:

— Ты на меня злишься, да? Избалованный и упрямый. Вечно навлекаю кучу проблем, сам не могу справиться, поэтому в итоге все это тянет тебя вниз.

— ...Нет, — Тан Юйшу поставил чашку. — Не знаю, на кого я злюсь... но точно не на тебя.

— А?

— Я тугодум, многого не понимаю... но мне просто страшно, — Тан Юйшу поставил чашку с лекарством, протянул руку, большим и указательным пальцами затушил только что зажженную Линь Ланем лампу. — Я боюсь, если бы Чэнь Ни вовремя не подоспел, ты бы разбился...

Сидя в темноте, Линь Лан на мгновение не знал, что ответить.

Он лишь услышал, как Тан Юйшу, словно разговаривая с самим собой, сказал:

— Я всегда такой — думаю, что если стану сильнее, смогу защитить близких...

— Но все всегда не так... Я всегда теряю важных для меня людей, потому что я недостаточно силен.

— Не то что я не хочу с тобой говорить.

— Я не смею...

— Я очень боюсь, что из-за того, что я недостаточно силен... однажды я снова останусь один.

— Тебе не нужно быть таким сильным... — Линь Лан попытался шуткой разрядить тяжелую атмосферу. — Иногда, может, достаточно, чтобы напарник был не таким глупым.

Тан Юйшу действительно усмехнулся.

Но когда Линь Лан услышал его учащенное и прерывистое дыхание, он понял мотив Тан Юйшу, погасившего свечу.

Он все еще не мог позволить себе обнаружить перед ним ни капли растерянности и страха.

—

<http://bllate.org/book/12583/1247184>